

Дальнейшее – молчание

В Париже скончался великий философ Жак Деррида

Жак Курьер 2009 12.01.16 - с. 10.

Константин КЕДРОВ

Основоположник постмодернизма покинул сцену. В интеллектуальной среде карит растерянность, сопоставимая разве что со смертью Ленина в 24-м году в России. Там Маяковский восклицал: «Смерть, не смей!», а тут любые восклицания неуместны, поскольку постмодернизм отрицает и запрещает пафос. Никто не знает, как надо прожать в последний путь первого и последнего постмодерниста.

Все начиналось легко и свободно в послевоенной Европе. Молодой философ создавал новое вероучение, чтобы раз и навсегда избавить человечество от слепых поводярей и глухих прорицателей. Библия постмодернизма – «Деконструкция», а Новый Завет – «Грамматология». Если структуралисты и лингвистические философы доказали, что нет никакого высшего смысла, вернее, что выбранный язык предопределяет смысл, то постмодернисты не менее последовательно и блистательно показали иллюзорность самого языка.

Нет ни одного высказывания, которое не опиралось бы на бессмыслицу. Это означает, что только разоблачение смысла имеет какой-то смысл.

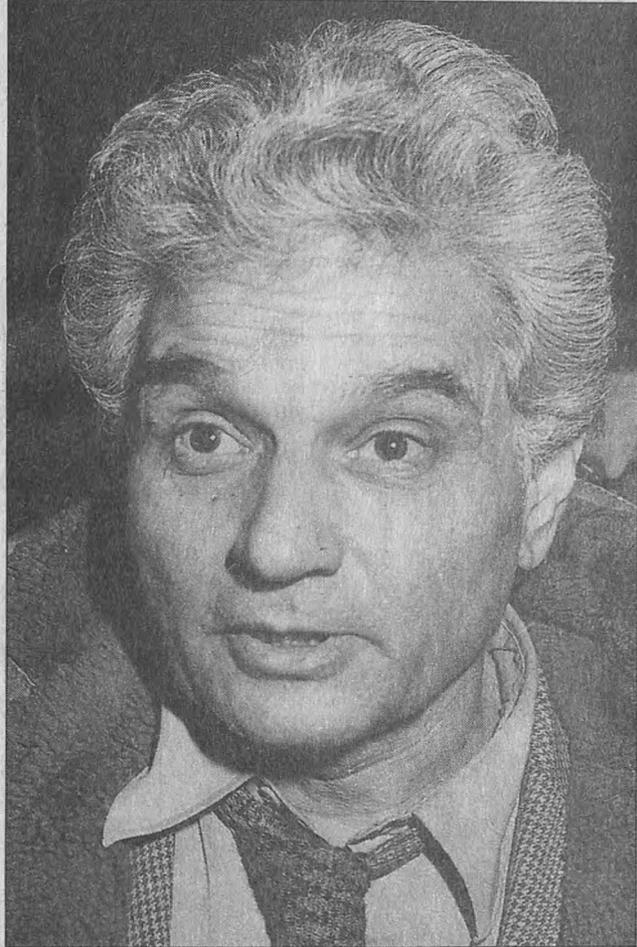
Прежде всего надо разоблачать (деконструировать) разум, который слишком много о себе мнит. Но если ни в чем нет разума и смысла, то на что опереться? Деррида предлагает нам термин «дифферанс» вместо более привычных слов «смысл» или «истина». Дифферанс – это деконструкция любого смысла и любого открытия. Вернее, доказательство, что есть возможность другого взгляда на то же самое.

Нельзя не заметить, что дифферанс Дерриды чем-то напоминает принцип доплатности Нильса Бора и принцип неопределенности Вернера Гейзенберга. Кроме того, невольно вспоминается теорема Курта Геделя о неполноте. Если высказывание верно, оно неполно. Если высказывание полно, оно неверно. Все это лишний раз доказывает, что культура XX века едина, последовательна и органична.

На основе постмодернизма Дерриды возникла литература последней трети прошлого века. Дерриде во многом обязаны Милорад Павич, Умберто Эко и наши божки постмодерна: Владимир Сорокин, Виктор Ерофеев, Виктор Пелевин. В чем смысл «Чапаева и Пустоты»? В деконструкции «Чапаева» Фурманова и фильма братьев Васильевых. Однако взамен не предложен какой-то новый, пелевинский вариант, поскольку и он виртуален, как глиняный пулемет. Чапаев, рубающий шашкой беляков, и Чапаев, ищущий nirвану, в равной степени ирреальны. Это и есть деконструкция.

Деррида провозгласил превосходство любого написанного текста над произнесенной речью. Оно и понятно. Европа устала от речей Гитлера. Но в отказе от риторики кроется еще и отречение от Сократа – родоначальника европейской философии. Она родилась на площади в речах софистов и должна уйти в мировую тишину и молчание. Риторика должна умереть, уступив место логике, а логика должна уступить место постмодернизму. Появился новый жанр молчащей поэзии. Но Деррида – философ второй половины XX века, пришедший нарушить, а не исполнить. Его цель – низложить не только прошлых, но и будущих возможных кумиров. Любые стихи после Освенцима безразличны. Поэзия после Сталина и Гитлера невозможна.

Нечто похожее сказал гениальный лагерник Шаламов: «Я бы плюнул в лицо красоте». Но это не постмодернистское высказывание, поскольку в нем есть пафос отрицания. А пафос, согласно эстетике постмодерна, это уже ступень к тоталитаризму. Нет никаких стихов и молитв. Есть текст и интерпретация текста. Если вы не можете интерпретировать свое высказывание, значит, вы шарлатан. После 91-го года в России стала доминировать постмодернистская журналистика. Любое высказывание любого политика рассматривалось только как текст, интерпретируемый как угодно. Трагедия в том, что российский читатель не был подготовлен к иронии и самоиронии, вернее, к деконструкции политического высказывания. Так деконструкция и дифферанс превратились в дис-

кредитацию всего и вся. Что и требовалось доказать, вернее, дифференцировать. Деконструировать разум, деконструировать науку, деконструировать метафизику, религию, поэзию как таковую. Знаменитая студенческая революция шестидесятых была во многом детищем Дерриды, которому было в то время 38 лет. В Россию деконструкция пришла в 90-х. Это был необходимый период очищения разума от идеологий, который многим казался духовным хаосом. Растворение в кислоте постмодернистских текстов Сорокина – своеобразная контрреволюция против революции постмодерна.

Странно, что деконструкция и дифферанс Дерриды не распространились на его любимого Карла Маркса. В марксизме его привлекал духниспвергательства и разоблачения. Однако сам основоположник постмодернизма мог бы ответить, что, симпатизируя марксизму, он деконструирует и дифференцирует постмодернизм. Что и требовалось доказать.

Деррида объявил войну пафосу, метафоре, метафизи-

ке, идеологии и религии. Не менее последовательно он отверг рациональный структурализм, утверждая, что за пределами языка нет никакого смысла. Но смысла нет и в самом языке.

Лично я очень благодарен Дерриде хотя бы за то, что именно в издательстве La Différance изданы мои главные поэтические вещи в русско-французской антологии «ДЕПО», а к марту в том же издательстве выйдет новая антология русских поэтов на русском и французском языках. Издание приурочено к Парижскому книжному салону, посвященному России. В Европе наступило время постмодернистской политики. В России это либо никогда не произойдет, либо произойдет позднее. Постмодернизм, хоть имя дико, но мне ласкает слух оно.

Без Дерриды стало бы очень скучно жить. К счастью, его высказывания в напечатанном виде остаются. Согласно его философии, текст напечатанный намного важнее, чем произносимый голосом. И все же как жалко, что этот голос умолк навеки.